

Научная статья
УДК 94(47).044/05+94(57)
doi: 10.17223/19988613/82/4

Русские экспедиции к соленому озеру Ямыш в XVII в.: организация, численность, состав

Дмитрий Александрович Васьков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, dvaskov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с начальным этапом истории соледобычи в Западной Сибири. Основным источником самосадочной соли в этот период было озеро Ямыш в Среднем Прииртышье, к которому с 1613 г. ежегодно организовывались экспедиции русских служилых людей. Показано, что в походах за солью участвовали в среднем от 15 до 25% служилых людей, числившихся на службе в гарнизонах западносибирских городов и острогов. Столь значительная численность задействованных сил в первую очередь была обусловлена необходимостью защиты от кочевников.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII век, озеро Ямыш, соледобыча, служилые люди, кочевники, калмыки, казахи

Для цитирования: Васьков Д.А. Русские экспедиции к соленому озеру Ямыш в XVII в: организация, численность, состав // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 38–47. doi: 10.17223/19988613/82/4

Original article

Organization, number and composition of participants of the Russian expeditions to the salt lake of Yamysh in the 17th century

Dmitri A. Vaskov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, dvaskov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the initial stage of the history of salt mining in Western Siberia. The main source of salt for the Russian population of Western Siberia in the 17th century was the salt lake of Yamysh, located on the territory of modern North-Western Kazakhstan. Salt was used in large quantities as a universal preservative. Salt was also required for leather production, preservation of furs and animal skins. The annual expeditions for salt was carried out from Tobolsk on a regular basis from 1613. There is no special study on this theme. The article reconstructs the organization and features of expeditions for salt, and also their number and composition of participants. The main sources for the research are the documents published in "History of Siberia" by G. F. Miller, collections "Historical acts", "Additions to historical Acts", "Russian-Mongolian relations" and several other publications. The expeditions for salt usually took about three or four months. The start of the expeditions most often was in June. The return of the caravan of ships back to Tobolsk took place in September or October. The main type of cargo ship used to transport salt was "doschanik". A typical convoy consisted of 30-40 "doschaniks" in the second half of the 17th century. A detachment of the Siberian servitors for the production and delivery of salt typically ranges from 400 to 750 people and more. Thus, in campaigns for salt usually participated from 15 to 25 % of all serving people from garrisons of Russian towns and "ostrogs" of Western Siberia. The basis of the detachment necessarily consisted of contingents of servitors from Tobolsk, Tyumen and Tara. Smaller units were additionally joined from Verkhoturys, Turinsk, Berezov, Surgut and Pelym. The main part of participants of expeditions were archers, foot Cossacks and gunners. In addition to serving people in the campaigns for salt involved commercial people. They came to the lake to trade with Kalmyks, Bukharans and others during the Yamyshev fair. A large number of well-armed Siberian servitors was due to the danger of nomads. The main nomadic neighbours of Russians in the 17th century in the South of Western Siberia were Kalmyks, and at the end of the century – Kazakhs. Relations with them were not always peaceful. Therefore, a significant number of well-armed servicemen and their construction of fortifications in the lake area were the only reliable guarantee of safety during expeditions for salt. The conclusion that the Russian expedition to the salt Lake of Yamysh was the most large-scale events of service-class people of Western Siberia in the 17th century is made.

Keywords: Western Siberia, 17th century, Yamysh Lake, salt-mining, service-class people, nomads, Kalmyk, Kazakhs

For citation: Vaskov, D.A. (2023) Organization, number and composition of participants of the Russian expeditions to the salt lake of Yamysh in the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 82. pp. 38–47. doi: 10.17223/19988613/82/4

Особое место в истории колонизации Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII в. занимают ежегодные экспедиции русских служилых людей за солью к соленому озеру Ямыш (ныне оз. Тузкала в 50 км к югу от г. Павлодара в Казахстане). Добыча соли из местных источников была необходима для сокращения и без того значительных расходов, идущих на содержание недавно присоединенного края. Соль, как известно, была в то время продуктом стратегической важности. Тем более что наряду с денежным и хлебным окладами она составляла третью часть жалованья сибирских служилых людей.

Различные сюжеты, связанные с начальным этапом соледобычи в Западной Сибири, освещались в исследованиях С.В. Бахрушина, О.Н. Вилкова, Д.Я. Резуна, Н.И. Никитина, И.П. Каменецкого и других историков-сибиреведов. Однако эта тема еще не становилась объектом самостоятельного изучения. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией экспедиций к оз. Ямыш, которое являлось основным месторождением самосадочной соли для Западной Сибири в течение всего XVII в. Следует отметить, что источники для рассмотрения этой темы не отличаются полнотой. Многие сведения имеют весьма отрывочный характер. Во-первых, это обусловлено плохой сохранностью источниковой базы по ранним этапам русской колонизации Сибири, а во-вторых, тем, что экспедиции были ежегодными и для современников не были чем-то экстраординарным, поэтому информация не всегда откладывалась со всей полнотой даже в текущей документации сибирских городов и острогов.

Первая документально подтверждаемая экспедиция относится к 1608 г. [1. С. 36], хотя известно, что одна из первых попыток достичь озера могла иметь место в 1594 г. [2. С. 285, 352]. Регулярные же походы караванов дощаников за солью начались с 1613 г. По нашим подсчетам, информация имеется примерно по половине совершенных экспедиций, из которых только по 37 походам известны имена руководителей (караванных голов). По другой половине экспедиций сведения отсутствуют вовсе. Только дальнейшие архивные разыскания, в первую очередь обращение к обширному фонду Сибирского приказа РГАДА, возможно, позволят с большей полнотой осветить историю походов за солью. Тем не менее даже на основе имеющихся весьма скудных данных можно в общих чертах реконструировать организацию и особенности проведения соляных экспедиций, а также определить их численность и состав участников.

Что касается продолжительности экспедиций за солью, то О.Н. Вилков отмечал, что караваны обычно уходили к озеру в конце мая – начале июня, а в обратный путь отправлялись в конце августа – начале сентября [3. С. 102–103]. Эти данные нуждаются в уточнении, хотя в имеющихся источниках редко содержится информация о точном времени отбытия и возвращения

соляных караванов. Самое раннее начало похода – 17 мая – относится к 1626 г., когда его возглавили (во второй раз, первый – в 1624 г.) голова тобольских конных казаков Гроза Иванов и сын боярский Дмитрий Черкасов. Уже 31 августа эта экспедиция вернулась в Тобольск [4. Стб. 336, 342, 377–378, 419–420]. Поход 1676 г. начался 25 июня, а в 1684 г. старт экспедиции состоялся только 1 июля [5. С. 169, 174]. Возвращение экспедиций в Тобольск обычно происходило в конце сентября – начале октября, хотя самое раннее известное возвращение – 29 августа – состоялось в 1645 г. [6. С. 308; 7. С. 259]. Экспедиция 1685 г. под командованием тобольского дворянина Федора Шульгина вышла из Тобольска 24 июня и вернулась назад 17 октября [5. С. 175]. Это самое позднее из отмеченных в документах возвращение. Известный славянский просветитель Юрий Крижанич отбывал в Тобольске ссылку с 1661 по 1676 г. и поэтому был хорошо осведомлен о многих реалиях сибирской жизни. В своей «Истории Сибири», составленной не позднее 1680 г., он отмечал, что соляные экспедиции совершались в четыре месяца [8. С. 184–185]. Примерно так оно и было. Например, экспедиция 1642 г. под командованием новокрещена Якова Буголакова вышла из Тобольска 3 июня и вернулась назад 21 сентября [6. С. 262–263; 7. С. 224–225]. Однако походы за солью могли совершаться и за более короткий срок. В частности, экспедиция 1684 г., возглавляемая головой пеших казаков Алексеем Выходцевым, отбыла из Тобольска 1 июля и вернулась обратно уже 13 сентября, затратив в общей сложности два с половиной месяца [5. С. 174]. Пожалуй, наиболее типичная по срокам экспедиция состоялась в 1642 г. под командованием тобольского новокрещена Якова Буголакова [6. С. 262–263; 7. С. 224–225]. Караван двинулся от Тобольска 3 июня, и путь до Тары занял три с половиной недели. В Тарском городе стояли неделю. От Тары до оз. Ямыш шли пять с половиной недель. У озера находились две недели и два дня. Этого времени хватало на погрузку соли и торговлю с калмыками. Обратный путь вниз по Иртышу от озера до Тарского города занял еще три недели, а стоянка в городе на этот раз длилась три дня. И от Тары до Тобольска плыли еще две недели, вернувшись в столицу Сибири 21 сентября.

Как организовывались соляные экспедиции? По всей видимости, на подготовку похода могло уходить несколько месяцев. Сначала в Тобольск поступала грамота из Москвы, в которой говорилось о необходимости послать служилых людей к оз. Ямыш. Грамота часто ограничивалась общей рекомендацией. В частности, в наказе основателю Тары князю А.В. Елецкому ничего конкретно не говорится, помимо общего требования послать «татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругех» [2. С. 285, 352]. Впрочем, в первые десятилетия после «Ермакова взятия», когда Сибирь еще во многом оставалась на «ручном управ-

лении», из Москвы мог быть назначен руководитель экспедиции, как это сделали в 1608 г. Тогда им назначили тарского письменного голову А.Ф. Поленова [1. С. 28]. (Правда, в конечном итоге вместо него поход возглавил ротмистр Воин Волконовский.) В дальнейшем решение всех конкретных вопросов стали возлагать на тобольских воевод. Именно они назначали руководителя похода – караванного голову. Для последнего составлялся воеводский наказ, в котором подробно расписывалось, как должна проходить экспедиция. Нам известен только один документ подобного рода, к тому же относящийся к самому концу XVII в. Это наказ тобольскому дворянину Федору Феофилову, возглавлявшему экспедицию 1699 г. [9. С. 520–532]. Параллельно в Тобольске формировался отряд из местных служилых людей и татар. Одновременно в столице Сибири подтягивались отряды служилых людей из других западносибирских городов, обычно из Тюмени, Туринска, Верхотурья, Сургута, Березова и Пельяма. В это же время собирался караван дощаников и других судов, на которые свозились различные припасы.

Наконец, наступал день, когда все было готово, и караван отчаливал от берега, чтобы начать движение вверх по течению Иртыша. Путь на дощаниках от Тобольска до Тарского города обычно занимал три-четыре недели [8. С. 15, 37, 44]. В Таре делалась остановка от нескольких дней до недели, после чего караван продолжал свое движение к озеру, обязательно присоединив отряд из местных служилых людей и татар, двигавшийся на своих судах. Путь от Тары «до пристанки, с которого места ходят по соль на Ямышеве озеро» занимал обычно четыре недели и даже более [8. С. 15, 37, 44, 76]. Достигнув расположенного на правом берегу Иртыша «соляного пристанища», отряд высаживался и создавал укрепленный лагерь. До самого озера от берега было пять верст.

Достаточно красочное описание того, как происходила высадка и добыча соли, оставил Ю. Крижанич: «Как только москвитяне достигают этого места, они производят залп из пушек и снова их заряжают; затем производят огонь из ручных пищалей; отсалютовав таким образом тайше, москвитяне дают заложников, и получив таковых же от калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтоб иметь защиту в случае вероломства. Добыв из озера соль, они нагружают ею суда и затем вступают в торг меновой» [8. С. 185]. Упоминаемый Ю. Крижаничем «укрепленный лагерь» в русских документах назывался обычно «острожкой». Это укрепление было временным и возводилось каждый раз, как русский отряд приходил к месту добычи соли. Насущная необходимость возведения фортификационных сооружений в месте соледобычи была осознана русскими властями с самого начала. Так, еще в царской грамоте к тарскому воеводе И.В. Кольцову-Мосальскому от 27 февраля 1608 г. есть такие слова: «А у соленых де озер вверх по Иртышу без острожку и без крепости быти нельзя для колмацких людей укрепенья» [1. С. 25]. По всей видимости, этот острожек ставился в ходе каждого похода с начала регулярных экспедиций с 1613 г. Так, в челобитной атамана тюменских конных казаков

Ивана Войнова рассказывается, как в 1625 г. служилым людям пришлось в «соляном острожке» сидеть в осаде и совершать вылазки против калмыков [4. Стб. 514–515]. Тогда же в Москве озадачились строительством полноценного капитального острога возле озера с гарнизоном не менее 500 человек. Однако из-за отсутствия поблизости «пашенных мест» и «хоромого леса», в связи с чем «в том остроге прибыли чаять мало», построен он так и не был [4. Стб. 335–342]. Поэтому служилым людям приходилось ежегодно ставить укрепления для безопасной добычи соли.

Более подробное описание фортификационных сооружений в районе озера содержится в воеводском наказе тобольскому дворянину Федору Феофилову, возглавлявшему экспедицию 1699 г. [9. С. 522]. По прибытии к месту высадки ему предписывалось «поставить от судов до Ямыша озера на степи, куды ходит служилым людем по соль, три острожка, один у пристанища, а другой на половине, а третей у соляного Ямыша озера, и поделать меж острожков надолбы, по обе стороны, и иные всякие крепости, против прежняго, и поставить по острожкам и в надолбах, где пригоже, пищали полуторные и полковые и затинные». При этом отдельно оговаривалось: «А будет для соляной возки тех трех острожков мало, и к тем острожкам прибавить острожков, сколько пригоже, смотря по тамошнему». Столь обширная строительная деятельность, скорее всего, являлась исключением и была вызвана значительным усилением угрозы со стороны кочевников в конце XVII в. Надо полагать, что обычно служилые люди возводили только одно временное укрепление у «соляного пристанища» на берегу Иртыша, чтобы максимально обезопасить место стоянки дощаников. Также путь, по которому от озера к дощаникам возили соль, мог защищаться с помощью специально установленных вдоль него надолбов, как это было сделано в 1634 г. [10. С. 479]. Изображение, по всей видимости, типичного «острожка» находим в «Хорографической чертежной книге Сибири» (1697–1711 гг.) С.У. Ремезова (рис. 1). Здесь показано прямоугольное в плане и, скорее всего, деревоземляное фортификационное полевое укрепление с установленными в нем пушками. По сути, оно представляло собой хорошо укрепленный лагерь, в котором служилые люди могли отсидеться в случае возникновения конфликтных ситуаций с часто непредсказуемыми кочевниками. И этого в целом было достаточно. По крайней мере нам не известны случаи, когда ойраты или казахи успешно действовали против засевших за укреплением и умело отстреливавшихся служилых людей. Шансы /у них появлялись только тогда, когда русские выходили из «острожка».

Что касается самой технологии добычи соли из озера, то она не представляла собой чего-то уникального. В соленой воде оз. Ямыш и подобных ему соль естественным образом выпадала в осадок, образуя на дне соляные пласты. Собственно, они и являлись объектом промысла. Так называемый соляной «череп» на дне озера сначала ломали, после чего соль выгребали на берег, грузили в тележки или на вьючных животных и везли до «соляного пристанища» для погрузки

на дощаники. Эта технология добычи соли из Ямышевского озера впервые была приведена в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» (1683):

«...служилые люди сибирцы соль-бузу из того озера ломают рычагами емлют и возят тележками на себе, на лошадях и на велбудах и струги грузят» [8. С. 76].

Рис. 1. Изображение типичного «острожка» в «Хорографической чертежной книге Сибири» (1697–1711 гг.) С.У. Ремезова

Единственное, что смущает в приведенном отрывке из «Описания новых земель...» – это упоминание о том, что плавание до озера и обратно осуществлялись на стругах, что может свидетельствовать о недостаточном знакомстве автора с сибирскими реалиями. Все-таки основным типом судна, использовавшимся в ходе соляных экспедиций, был дощаник, что подтверждается многими документами. Дощаник был самым распространенным речным парусно-гребным судном в Сибири в XVII в. Согласно данным Е.В. Вершинина, специально изучавшего историю судостроения в Западной Сибири, дощаник представлял собой наборное палубное плоскодонное речное судно, предназначенное для транспортно-грузовых перевозок [11. С. 91]. Поскольку в первую очередь дощаники были приспособлены для перевозки грузов, они были самыми крупными речными судами в Западной Сибири. Длина киля составляла 21,5 м, ширина по миделю – 4,5 м, высота от киля до палубы – немногим более 2 м, а осадка – около 1 м [11. С. 95]. Осадка большого груженого дощаника могла составлять 1,44 м [12. С. 169]. К концу столетия стали строить более крупные дощаники, длина корпуса которых достигала 26 м, а ширина – 4,86 м [11. С. 97–98]. Грузоподъемность малого дощаника по разным данным колебалась от 17,9 до 24 т [11. С. 98]. Большой дощаник мог принимать до 40 т груза [12. С. 169]. Срок службы дощаников был недолгим, составляя в среднем две-три навигации. Поскольку дощаники были самыми вместительными и грузоподъемными

судами, то именно они и составляли основу соляных караванов. Тем более что из Москвы (и в Сибири это отлично понимали) постоянно требовали привозить соли «болши прежнего, чтоб государеву делу было прибыльнее». Таким образом, дощаник был основным типом судна, использовавшимся для перевозки «государевой соляной казны». Основным, но не единственным. По крайней мере имеется свидетельство, что экспедиция 1626 г. двигалась к озеру на 23 судах – 16 дощаниках и 7 ладьях [4. Стб. 419]. Это единственное известное упоминание, когда помимо дощаников для перевозки соли использовались другие суда. По данным Е.В. Вершинина, ладья была меньше большого дощаника и ее грузоподъемность могла достигать 32 т [12. С. 169].

Что касается количества судов в составе соляных караванов, то некоторую информацию могут дать нарративные источники конца XVII в. В частности, русский посланец в Китай Николай Спафарий в своих записках, датированных 1675–1678 гг., отмечал, что за солью «ежегодно ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и по 40 дощаников, и соль собирают в дощаники самородную» [13. С. 35]. Юрий Крижанич в своей «Истории Сибири» писал, что «тобольский воевода ежегодно высылает вверх по Иртышу флот из сорока или более парусных судов в землю Калмыков к Соленому озеру, находящемуся недалеко от реки» [8. С. 184–185]. В «Книге записной», составленной не позднее 1687 г. и являющейся ранней редакцией Сибирского летописного свода, есть

упоминания, что в 1676 и 1685 гг. экспедиции к озеру двигались на 30 дощаниках [5. С. 169, 175]. При этом все же стоит отметить, что помимо дощаников в состав каравана входили и более мелкие суда. Обычно это были струги и различные лодки, используемые для разъездов и разведки. Последнее было необходимо в целях безопасности. Надо полагать, что соляной караван редко когда шел вверх по Иртышу без разведки. Так, в 1661 г. разведчики из числа тарских татар «в малых лотках» двигались впереди каравана на удалении одного-двух дней от него [14. Стб. 597. Л. 68, 70].

Интересно отметить, что имеющиеся источники практически не содержат сведений о кораблекрушениях, навигационных ошибках и авариях судов соляных караванов в ходе экспедиций. Как показал Е.В. Вершинин, подобного рода происшествий с русскими судами, нередко сопровождавшихся гибелью людей и грузов, иногда случались во время плаваний в низовьях Оби и особенно в Обской губе [12. С. 191, 193–194, 197–198, 204–206]. Очевидно, что условия навигации в среднем и верхнем течении Иртыша были достаточно благоприятными и безопасными для судоходства. За все время регулярных экспедиций известны только один-два опасных случая. Так, Г.Ф. Миллер приводит известие, как в 1631 г. на обратном пути от озера соляные суда из-за рано ударивших морозов вмерзли в лед [10. С. 119]. К счастью, это произошло в районе Тарского города и поэтому не имело особо негативных последствий. Было бы гораздо хуже, если бы зима застала дощаники выше по течению, в районах, контролируемых калмыками. Еще один случай, связанный с неблагоприятными погодными условиями, произошел в 1676 г., и его экстраординарность, видимо, стала поводом для упоминания о нем в Сибирском летописном своде. Составитель «Книги записной» в ярких красках описал это происшествие: «...июня в 25 день, в неделю после вечерни, пошел к соли к Ямышеву озеру на 30 дощаниках и с торговым и с войсковым караваном тюменской стрелецкой голова Михайло Петров сын Селин. И того дни их погодою от берегу не отпустило, и сопцы (сопец – руль, рулевое перо. – Д.В.) у судов сломало, и стрельбы за погодою не было. И ночевали под монастырем и пошли по утру в понедельник» [5. С. 169]. Есть еще упоминание о том, как во время экспедиции 1678 г., уже на обратном пути от озера, дощаники «погодою прибило к берегу» в районе «Бакланья острова» [15. С. 37]. Возможно, подобные инциденты, связанные с плохими погодными условиями, случались и чаще, но вряд ли они приводили к каким-то серьезным последствиям.

Все-таки главной проблемой в ходе походов за солью была не непогода, а угроза, исходящая от кочевников, что и заставляло задействовать большие силы и подходить к организации экспедиций с особой тщательностью. До конца XVII в. Тарский уезд продолжал оставаться пограничным. Озеро Ямыш и другие соляные озера Среднего Прииртышья находились в степных районах, где полновластными хозяевами себя чувствовали калмыки, а с конца столетия – казахи. Русско-калмыцкие отношения, несмотря на в целом мирное сосуществование двух этносов в степях Урало-

Сибирского региона, все же не отличались стабильностью, иногда переходя в вооруженные столкновения. Источники зафиксировали прямые столкновения с ойратами непосредственно в районе озера в 1610, 1611, 1613, 1625, 1634, 1674, 1677 и 1678 гг. В очень непростых условиях добыча соли производилась в 1636, 1657, 1661, 1666, 1667, 1672, 1679 гг., когда вероятность боевых столкновений была крайне высока. И это явно неполный перечень. В последнее десятилетие XVII в. проблемы русским у озера стали доставлять казахи. Так, в 1690, 1691 и 1692 гг. люди казахского хана Тауке «приходили войною к Ямышу озеру и Тобольского уезду под слободы и деревни войною, и у Ямыш озеро по государевым людям из ружья стреляли и грабили» [16. С. 379]. В 1696 г. караван дощаников подвергся нападению казахов после прохождения места впадения р. Омь в Иртыш. Казахи стреляли с берега по тарским дощаникам из «огненного ружья и из луков», убив одного человека и нескольких ранив [9. С. 521]. Причины конфликтных ситуаций с кочевниками могли быть самыми разными. Так, в 1610, 1611 и, видимо, 1612 г. поставки соли в сибирские города вообще прекратились, так как «калмыки озера отняли» [10. С. 40, 259]. С 1613 г. экспедиции возобновились из Тобольска благодаря успешным действиям тарских служилых людей, сумевших калмыков с боем от озера отогнать [1. С. 42]. В 1625 г., как уже отмечалось, соль также пришлось добывать в буквальном смысле с боем. О причинах столкновений конкретно в данных случаях документы ничего не говорят, но именно на эти годы приходится максимальное приближение калмыцких кочевий к русским владениям на юге Западной Сибири.

Новый виток обострения противостояния с ойратами пришелся на 1630-е гг., что в том числе сказывалось и на добыче соли. В частности, возникли проблемы с калмыками у экспедиции 1634 г., которой командовали тобольские дети боярские Михаил Ушаков и Иван Астраханец. Уже 1 августа отряд высадился в районе озера. Однако служилые люди почти две недели отсиживались в остроге и «соли грузить не смели, потому что к соляному де озеру прикочевали Куйша тайша со многими тайши и улусными своими колмацкими людьми». Всего русские насчитали карауливших их 2 000 калмыцких «куяшников», готовых служилых людей «на степи побить», если те покинут свое укрепление [10. С. 479]. Только 12 августа калмыки внезапно ушли, что позволило на следующий день приступить к добыче и погрузке соли. В такой же нервной обстановке проводилась добыча соли в 1636 г. [7. С. 26, 28, 176–177]. Калмыцкие тайши понимали, что в отдалении от спасительных стен сибирских городов и острогов даже достаточно крупный русский отряд может быть уязвим посреди степи. Поэтому совсем не от хорошей жизни служилые люди вынуждены были в районе оз. Ямыш возводить укрепления. В этом была острая необходимость. Калмыкам было проще всего проверять русских на прочность в отдалении от острожных стен далеко в степных районах, где и располагались соляные озера. Например, в 1667 г. ойраты за то, что их посол Серен задержан в Тобольске, прямо грозили, что «учнут государевым людям всякое дурно и тесно-

ту у Ямыш-озера чинить» [17. С. 182]. Иногда такие угрозы могли переходить в конкретные действия, поэтому надо было быть всегда начеку. Этот фактор обусловливал как активное строительство фортификаций, так и необходимость привлечения большого количества сибирских служилых людей для безопасного осуществления походов.

Справедливости ради следует отметить, что отношения с ойратами в районе озера чаще все-таки носили мирный характер. В первую очередь это было связано с заинтересованностью обеих сторон во взаимовыгодных торговых отношениях. Калмыки нуждались в различных продуктах оседло-земледельческого хозяйства, русские же были немало заинтересованы в приобретении калмыцкого скота. Русско-калмыцкая торговля изначально осуществлялась в Тобольске, Таре, Уфе и периодически в других городах. Однако район оз. Ямыш, расположенного значительно южнее указанных городов, был более удобным для кочевников. Русские служилые люди, в свою очередь, ежегодно приходили за солью к озеру. Со временем это привело к складыванию Ямышевской ярмарки, проходившей во время прибытия соляных караванов, на которой шла бойкая торговля калмыцким скотом, пушниной, русскими, среднеазиатскими и китайскими товарами [3. С. 101–103; 18]. Тем не менее, как справедливо указывал Ю. Крижанич, для избегания вероломства со стороны калмыков требовалось соблюдать крайнюю осторожность. Именно поэтому русские сначала стремились загрузить соль в дощаники «в полный груз». При этом для ускорения процесса старались «от Ямыш-озера соль в суды возить днем и ночью наспех, без мотчания» [9. С. 524]. И только после этого уже можно было приступить к торговле. Перед этим еще в обязательном порядке обменивались аманатами (что, кстати, не всегда помогало). Как видно, различных мер предосторожности было много. Главной же гарантией того, что ойраты будут вести себя мирно и предоставят верблюдов и лошадей для перевозки соли к дощаникам, было значительное количество хорошо вооруженных русских служилых людей.

Что касается численности участников экспедиций, то имеющиеся источники, несмотря на неполноту данных, дают возможность для исторических реконструкций. Например, известно точное количество участников первого документально подтверждаемого похода к озеру в 1608 г. Тогда экспедиция была организована силами гарнизона Тарского города в составе отряда из 239 человек, в который входили русские служилые люди, а также волостные и юртовские татары [1. С. 36]. В следующем 1609 г. поход к озеру, по всей видимости, также осуществляли тарские служилые люди. Однако численность этого отряда неизвестна. В 1610, 1611 и, скорее всего, 1612 г. экспедиции за солью не состоялись из-за противодействия кочующих в районе озера ойрат-калмыков [10. С. 40, 259]. По этой причине потребовалось увеличение количества служилых людей, что, в свою очередь, привело к привлечению контингентов гарнизонов других городов и острогов. При этом сама организация экспедиций с 1613 г. стала возлагаться на главного в Сибири тобольского воеводу.

Имеются данные о численности отряда в 1616 г. Татарин Махметка, который был пойман и позже отпущен людьми сибирского царевича Ишима, на их расспросы о численности служилых людей, отправившихся к оз. Ямыш за солью, ответил, что отряд состоял из 500 русских и 200 татар, т.е. всего 700 человек [10. С. 274]. Это число представляется явно завышенным. Во-первых, в 1610-х гг. города Тобольского разряда вряд ли были готовы выставлять такое количество служилых людей, пусть даже и для столь важного для всей Сибири мероприятия, как добыча соли. Во-вторых, смущает ровное число в 700 человек, что свидетельствует о том, что Махметка явно «округлил» численность отряда, причем в сторону увеличения.

В 1626 г. из Тобольска к оз. Ямыш ходил отряд численностью 604 человека, из которых 200 человек были служилые люди и татары из Тарского города, а еще 404 служилых человека из Тобольска, Тюмени, Березова, Сургута, Туринска, Верхотурья и Пельма. В это же число входили тобольские и тюменские татары и кодыские остяки. Как уже отмечалось выше, все эти люди разместились на 16 дощаниках и 7 ладьях [4. Стб. 378, 419]. Причем особо было отмечено, что в этом году служилых людей к озеру ходило больше обычного. Несомненно, это было связано с опасностью от кочующих в районе озера ойрат-калмыков и столкновений с ними в ходе прошлогодней экспедиции.

Немало информации содержится в подробной росписи служилых людей, содержащейся в отписке тобольских воевод князя А.Н. Трубецкого и И.В. Волынского в Москву от 1 июля 1628 г. [19. С. 52–55]. Анализируя данный документ, можно точно установить, сколько служилых из каждого города в этом году отправились на «соляную службу». В общей сложности из Тобольска с его гарнизоном в 708 человек к озеру было отправлено 134 человека, из Тары (весь гарнизон 416 человек) – 111 человек, из Тюмени (326) – 100, из Пельма (81) – 15, из Туринского острога (54) – 15, из Верхотурья (73) – 15, из Березова (293) – 25, из Сургута (202) – 24. Таким образом, из восьми городов Тобольского разряда, в которых, согласно росписи, в 1628 г. в общей сложности насчитывалось 2 153 служилых людей, к озеру отправились 439 человек, что составляет 20% от общего количества служилых людей, числившихся на службе в указанных городах и острогах в этом году¹.

Такое же соотношение служилых сохранялось и восемь лет спустя. За эти годы численность западно-сибирских гарнизонов увеличилась более чем в полтора раза, что было обусловлено резким обострением русско-ойратских отношений и волнениями ясачного населения в конце 1620-х – 1630-е гг. В 1636 г. в экспедиции за солью под командованием головы тобольских конных казаков Богдана Аршинского принимали участие «тобольских и тобольско-розряду служилых людей и юртовских служилых татар и князь Дмитриевых остяков Алачова, всего 762 человека» [7. С. 26]. По данным известного сибиреведа Н.И. Никитина, в 1636 г. служилых людей в городах и острогах Западной Сибири числилось 3 561 человек [20. С. 29]. Таким образом, как и за восемь лет до этого, в походе к озеру

было задействовано чуть более пятой части (21%) всех служивых людей Тобольского разряда.

В нашем распоряжении нет данных о численности экспедиций в течение последующих пятидесяти лет. Однако можно с достаточной уверенностью утверждать, что за это время мало что изменилось. Так, в 1685 г., как всегда, в экспедиции участвовали служилые люди из Тюмени (271 человек), Тары (125 человек), Туринска, Сургута и Березова (из каждого города по 25 служивых) [21. С. 267–272]. В этот раз не было только людей из Верхотурья и Пельма. При этом в документе по непонятным причинам не указаны тобольские служилые люди, но нет сомнений в том, что они также участвовали. Это подтверждается данными «Книги записной» [5. С. 175]. Надо полагать, что из Тобольска, как обычно, отправились 150–250 человек. Таким образом, общая численность отряда в этом году примерно колебалась от 620 до 720 человек, что опять-таки сопоставимо с данными за предыдущие годы. Можно констатировать, что тоболяки в обязательном порядке участвовали во всех экспедициях и зачастую составляли наиболее значительную часть отряда. Так, мы не знаем всей численности экспедиции 1678 г., зато по этому году имеются данные по тобольским служивым. В этот раз их численность была внушительной – 360 человек. Вместе с руководителем похода, письменным головой Иваном Талызиным, здесь были: стрелецкий сотник, атаман пеших казаков, трубач, сурнач, литавщик, калмыцкий толмач, «да стрельцов и пеших казаков 250 человек, 3 человека пушкарей, да татар 100 человек» [22. С. 33].

Вполне продуктивной представляется попытка приблизительно вычислить количество участников экспедиций по числу судов, задействованных для перевозки соли. Как уже отмечалось выше, в повествовательных источниках конца XVII в. обычно указывается количество в 30–40 дощаников в составе ежегодных соляных караванов (см.: [5. С. 169, 175; 8. С. 184–185; 13. С. 35]). К сожалению, Е.В. Вершинин не приводит сведений о пассажирской вместимости дощаников. Тем не менее имеющиеся источники содержат информацию, позволяющую примерно вычислить, сколько людей в среднем помещалось на одно такое судно. Известно, что в 1661 г. к основной экспедиции присоединился отряд тарских служивых людей, насчитывавший 150 человек (116 стрельцов и пеших казаков и 34 служивых юртовских татарина) и разместившийся на шести дощаниках [14. Л. 64]. В 1699 г. отряд тарчан в составе экспедиции насчитывал 125 человек и двигался на пяти дощаниках [9. С. 520–521]. Простой арифметический расчет показывает, что в среднем на одном дощанике помещалось 25 человек. Таким образом, на флотилии из 30–40 дощаников могло располагаться от 750 до 1 000 человек. По данным Н.И. Никитина, в 1684/1685 г. общая численность служивых людей в Западной Сибири составляла 4 306 человек [20. С. 29]. Это значит, что в походах к озеру, как обычно, участвовало от 17 до 23% служивых людей Тобольского разряда. В 1699 г. из Тобольска к озеру двинулся караван из 25 дощаников, на которых расположились русские служилые люди и татары из Тобольска, Тюмени, Туринска, Пе-

лыма, Березова и Сургута. В Таре к ним присоединилось еще пять дощаников со 125 тарскими служивыми людьми и татарами [9. С. 520–521]. Все это предполагает общее количество участников экспедиции в этом году примерно в 750 человек на 30 дощаниках².

Формировавшийся для экспедиции отряд всегда был сводным и включал не только представителей разных городов и острогов, но и служивых людей различных категорий. Как известно, основу сибирских гарнизонов составляли стрельцы и городовые казаки (конные, пешие и беломестные). К ним была близка категория пушкарей и затинщиков, несших службу у артиллерийских орудий и затинных пищалей. Немалую часть гарнизонов Сибири составляли выходцы из Западной и Центральной Европы, которые в источниках более известны как «литва», «черкасы» и «немцы». Особой категорией еще с конца XVI в. являлись служилые татары – представители коренных тюркоязычных народов. Верхнюю прослойку служилого люда Западной Сибири составляли дети боярские и появившиеся в начале 1680-х гг. сибирские дворяне, занимавшие должности высшего и среднего командного состава. С 1659 г. в Сибири началось создание полков «нового строя» (рейтарского и солдатского, позже – драгунского). По имеющимся данным можно установить, что основную часть участников экспедиций к оз. Ямыш составляли стрельцы и пешие казаки. Для обслуживания артиллерийских орудий и пищалей в походах в обязательном порядке были задействованы пушкари (в основном тобольские и тарские). Также обязательным было участие тобольских, тюменских и тарских служивых татар. Помимо этих служивых «иноземцев» источники зафиксировали участие в походах кодских остяков (хантов) [4. Стб. 378, 419; 7. С. 26; 23. С. 119, 124, 130–131]. По данным С.В. Бахрушина, сначала их численность в экспедициях составляла 20 человек, но позже их стали привлекать в большем количестве. В 1636 г. их было 52 человека среди прочих участников экспедиции [23. С. 130–131]. При этом известно, что ханты несением «соляной службы» явно тяготились.

Неизменными участниками походов в первые десятилетия XVII в. были также выходцы из Европы, попавшие на службу в Сибирь по найму, но чаще в качестве бывших военнопленных. При этом отдельные представители верхушки «литвы» и «немцев» нередко становились руководителями экспедиций, занимая должность караванного головы (см. напр.: [1. С. 41, 42; 7. С. 26, 28, 177; 10. С. 41, 109, 128–129, 294, 358, 527–528, 655; 24. С. 70–71]). Однако участие в экспедициях ссыльных иноземцев могло иметь довольно неожиданные последствия. В 1621 г., когда караван дощаников, как всегда, двигался вверх по Иртышу к озеру, часть иноземцев в составе отряда решились на «измену» и подняли бунт. Автор «Книги записной» оставил об этом следующее свидетельство: «В том же 129-м году ходил по соль к Ямышу озеру литовского списку и литовский ротмистр Бартош Станиславов с тобольскими и всех городов служивыми людьми караваном. И в те поры учинилась измена от литовских и от немецких людей: хотели русских и всяких людей по-

сечь и в поле убежать на Яик реку. Того году и соли не взяли» [5. С. 147]. Из другого документа узнаем, что изменили тогда не «литовские» и «немецкие» люди, а «черкасы», часть которых во время бунта «бежали в Колмаки» [10. С. 109, 358]. Яик, по всей видимости, был их конечной целью. Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что ссыльные иноземцы по причине острой нехватки служилых людей в Сибири могли составлять немалую часть участников экспедиций, раз они в 1621 г. рискнули совершить «измену» и подняли бунт. Вероятно, они рассчитывали на свою многочисленность.

Необходимо отметить, что была еще одна категория служилых людей, существовавшая исключительно для совершения экспедиций за солью. Речь идет о так называемых «соляных вожах», которые, по всей видимости, числились только по гарнизону Тарского города. Затруднительно дать ответ на вопрос, когда появилась столь редкая и специализированная категория сибирских служилых людей, так как в источниках о них почти ничего не говорится. По крайней мере «Разборная книга тарских служилых людей 1689 г.» называет двух таких вожей – 60-летнего Трошку Сальникова и 50-летнего Ивашку Ашлипа. Об обоих в документе говорится кратко и одновременно достаточно определенно, что каждый из них «водит государеву соляную казну дощаники» [25. С. 245–246]. Очевидно, что это были люди, хорошо знавшие Иртыш и выполнявшие функции лоцманов для безопасной проводки соляных караванов. Известен печальный инцидент с одним из тарских соляных вожей, имевший место в ходе экспедиции 1696 г. под командованием тобольского дворянина Бориса Струнина. Еще на пути к озеру, после прохождения места впадения в Иртыш р. Омь, на караван с берега «напали воинские люди, Казачья орда, на тарские досчаники, и досчаники остановили, и государевых людей стреляли из огненного ружья и из луков, и тарского вожа убили до смерти, а иных ранили» [9. С. 521].

Говоря об участниках походов к озеру, необходимо отметить, что наряду со служилыми людьми, двигавшимися на «государевых дощаниках», к озеру также часто ходили на «охочих дощаниках» представители тобольского и тарского посадов. Они тоже могли ходить для добычи соли, но чаще – для совершения торговых операций с калмыками, бухарцами и другими участниками Ямышевской ярмарки. Источники не зафиксировали точную дату первой торговли с кочевниками в районе озера. Но, по всей видимости, стихийные торговые отношения начались практически сразу же с началом регулярных экспедиций. По крайней мере служилые люди уже в 1626 г. докладывали, что с калмыками они, «ходячи к Ямышу озеру, выдаютца и торгуют», хотя и происходило это «не по вся годы» [4. Стб. 341]. Также известно, что в этом же 1626 г. вместе с основным караваном к озеру ходили русские торговые люди «по соль своими судами» [4. Стб. 420]. Это первое упоминание об участии «частников» в соляной экспедиции. В дальнейшем они, видимо, были неизменными участниками всех экспедиций, хотя данные источников на этот счет крайне скудны. Но не-

случайно автор «Книги записной» указывает, что в 1676 г. тюменской стрелецкой голова Михаил Селин «пошел к соли к Ямышеву озеру на 30 дощаниках и с торговым и с войсковым караваном» (курсив наш. – Д.В.) [5. С. 169]. На этих «охочих дощаниках», по всей видимости, мог собираться самый разный люд. В первую очередь здесь были собственно торговцы (русские, бухарцы, татары), а также служилые люди, которые не были задействованы в соляной экспедиции, и многие другие. Иногда они ходили к озеру на свой страх и риск отдельно от «войскового» каравана, что порой могло иметь для них самые печальные последствия. Так, тобольские казаки Федька Скибин и Матюшка Трошин, вернувшись в Тобольск в июле 1696 г. из Средней Азии, где провели более двух лет, поведали, как в октябре 1695 г. в город «Тургустан» привезли связанного тобольского сына боярского Дмитрия Суздальцева. Последний Федору Скибину поведал свою печальную историю: «Взяли де его Казачьи Орды воинские люди в полон у Ямыша озера с охочих дощаников, а с ним русских людей 60 человек; а ружья у них не было, ходили с дощаников по соль без ружья до приезде головы с караваном» [16. С. 382–383]. На первый взгляд беспечность Д. Суздальцева и его товарищей по несчастью не может не удивлять. Однако этому есть возможное объяснение. Они могли специально прийти к озеру отдельно от основного каравана, чтобы не платить всех взимаемых пошлин либо для торговли с кочевниками заповедными товарами, что русскими властями категорически запрещалось. Поэтому для исключения пленения русских торговцев «воровскими людьми» власти требовали, чтобы торговые люди ходили к озеру вместе с основным караваном. В наказе тобольскому дворянину Ф. Феофилову говорится: «Да с ним же Федором отпущены из Тоболска к Ямышу озеру в своих судах по соль торговые русские люди; и ему Федору тем торговым русским людям велеть итти с собою к Ямышу озеру к соли вместе, и дорогою идучи нигде их не оставлять, и ото всякого дурна беречь, чтоб на них калмыцкие люди безвестно не пришли и дурна какого не учинили; а у соляного озера велеть им соль в свои суды грузить в то же время, как государскую соль служилые люди учнут грузить, и от Ямыша озера дорогою едучи потому ж их от калмыцких и ото всяких воровских людей оберегать и нигде не оставливать» [9. С. 528].

Подводя итог, можно заключить, что в среднем примерно пятая часть от общей численности всех гарнизонов Западной Сибири привлекалась для ежегодных соляных экспедиций. По нашим подсчетам, в этих походах принимали участие от 15 до 25% всех служилых людей Тобольского разряда. Это больше, чем другие регулярные «службы» и «посылки» представителей сибирских гарнизонов. Исключением будут только некоторые большие походы русских ратных людей в степь против кочевников в ответ на их враждебные акции. Однако такие походы организовывались сравнительно редко, по мере необходимости, и не имели регулярного характера. На наш взгляд, столь значительная численность экспедиций за солью была обусловлена в первую очередь необходимостью

защиты от кочевников. Только пять-семь и более сотен хорошо вооруженных служилых людей были единственной надежной гарантией того, что «немирные» степняки воздержатся от враждебных действий. Кроме того, большое количество людей требовалось для возведения фортификационных сооружений, что опять-таки было важнейшим условием безопасности. Также слу-

жилые люди сами занимались добычей соли, ее доставкой до «пристанища» и погрузкой в суда, а это требовало значительного количества рабочей силы. Таким образом, ежегодные русские экспедиции к оз. Ямыш были наиболее значительными по масштабу и задействованным ресурсам мероприятиями, в которых были заняты служилые люди Западной Сибири.

Примечания

¹ В росписи 1628 г. упомянуты также Томск (гарнизон 480 человек), Нарым (31 человек) и Мангазея вместе с Тазовским городком (53 человека). Однако служилые люди из этих городов и острогов не принимали участия в экспедициях к оз. Ямыш. В Нарыме, Мангазее и Тазовском городке служилых было слишком мало. Кроме того, два последних пункта были расположены слишком далеко на севере, что создавало дополнительные трудности. Томск был расположен значительно восточнее, ближе к Средней Сибири, и его гарнизон также считался недостаточным для того, чтобы его можно было ослабить за счет отправки части служилых людей в далекую экспедицию на юг Западной Сибири.

² О.Н. Вилков приводил несколько иную численность экспедиции 1699 г. Исследователь в одной из своих работ оценивал численность отряда в этом году в 840 работных и служилых людей, двигавшихся на 25 казенных дощаниках [3. С. 102]. При этом он никак не аргументировал свое мнение.

Список источников

1. Русско-монгольские отношения. 1607–1636 : сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Вост. лит., 1959. 352 с.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. 3-е изд. М. : Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
3. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 368 с.
4. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : сб. / под ред. А.И. Тимофеева, Ф.И. Успенского. СПб., 1884. Т. 8. [4], XVI, II с., 1292 стб., [2] с., 52 стб.
5. Книга записная // Полное собрание русских летописей / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М. : Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1. Группа Есиповской летописи. 384 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 2005. Т. 3. 560 с.
7. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Вост. лит., 1974. 472 с.
8. Титов А. Сибирь в XVII в. : сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. : Г. Юдин, 1890. 250 с.
9. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. Т. 5. 568 с.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
11. Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России : сб. науч. тр. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.
12. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.
13. Спафарий-Милеску Н.Г. Сибирь и Китай. Кишинев : Карта Молдавеняскэ, 1960. 516 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ).
15. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1862. Т. 8. 366 с.
16. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1867. Т. 10. 506 с.
17. Русско-монгольские отношения. 1654–1685 : сб. документов / сост. Г.И. Слесарчук. М. : Вост. лит., 1996. 560 с.
18. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Озеро Ямыш как зона политического и культурного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 32–35.
19. Первое столетие сибирских городов. XVII век / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 192 с. (История Сибири. Первоисточники; вып. VII).
20. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск : Наука, 1988. 256 с.
21. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1869. Т. 11. 328 с.
22. Тобольск : материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : тип М.Г. Волчанинова, 1885. 163 с.
23. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 86–152.
24. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. : документы и материалы. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1989. Кн. 1. 375 с.
25. Крих А.А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.). Омск : Наука, 2016. 263 с.

References

1. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (1959) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636* [Russian-Mongolian relations. 1607–1636]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Miller, G.F. (2005a) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 3rd ed. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Vostochnaya literatura.
3. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
4. Timofeev, A.I. & Uspensky, F.I. (eds) (1884) *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissiey* [Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg: [s.n.].
5. Okladnikov, A.P. & Rybakov, B.A. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
6. Miller, G.F. (2005b) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 3rd ed. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (1974) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636* [Russian-Mongolian relations. 1607–1636]. Moscow: Vostochnaya literatura.

8. Titov, A. (1890) *Sibir' v XVII v.: sbornik starinnykh russkikh statey o Sibiri i prilozhashchikh k ney zemlyakh* [Siberia in the 17th century: A collection of old Russian articles about Siberia and the lands adjacent to it]. Moscow: G. Yudin.
9. The Archeographic Commission of Russia. (1842) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 5. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
10. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Vershinin, E.V. (2001) Doshchanik i koch v Zapadnoy Sibiri (XVII v.) [Doschanik and koch in Western Siberia (the 17th century)]. In: *Problemy istorii Rossii* [Problems of the History of Russia]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. pp. 87–131.
12. Vershinin, E.V. (2018) *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of Northwestern Siberia at the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy in-t.
13. Spafariy-Milesku, N.G. (1960) *Sibir' i Kitay* [Siberia and China]. Chişinău: Kartya Moldavenyaske.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214 (Sibirskiy prikaz).
15. The Archeographic Commission of Russia. (1862) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
16. The Archeographic Commission of Russia. (1867) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 10. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
17. Slesarchuk, G.I. (ed.) (1996) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685* [Russian-Mongolian relations. 1654–1685]. Moscow: Vostochnaya literatura.
18. Kamenetskiy, I.P. & Rezun, D.Ya. (2010) *Ozero Yamysh kak zona politicheskogo i kul'turnogo vzaimodeystviya narodov v XVII v.* [Lake Yamysh as a zone of political and cultural interaction between peoples in the 17th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 32–35.
19. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek* [The first century of Siberian cities. The 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
20. Nikitin, N.I. (1988) *Sluzhilye lyudi v Zapadnoy Sibiri XVII v.* [The service class people in Western Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
21. The Archeographic Commission of Russia. (1869) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to the Historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 11. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag.
22. Anon. (1885) *Tobol'sk: materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy* [Tobolsk: materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow: M.G. Volchaninov.
23. Bakhrushin, S.V. (1955) *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI i XVII vv.* [Ostyak and Vogul principalities in the 16th and 17th centuries]. *Nauchnye trudy*. 3(2). pp. 86–152.
24. Gurevich, B.P. (ed.) (1989) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii XVII–XVIII vv.: dokumenty i materialy* [International relations in Central Asia 17th – 18th centuries: Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
25. Krikkh, A.A. (2016) *Russkoe naselenie Tarskogo Priirtysh'ya: istoriko-genealogicheskie ocherki (XVII – nachalo XX v.)* [Russian population of the Tara Irtysh region: Historical and genealogical essays (the 17th – early 20th century)]. Omsk: Nauka.

Сведения об авторе:

Васьков Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: dvaskov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vaskov Dmitry A. – Senior Lecturer of the Department of Russian History of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dvaskov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2019; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted 26.07.2019; accepted for publication 21.03.2023